

На ночь они остановились в резиденции князя. Над входом, под свирепыми мордами каменных львов и тигров, качались фонари с иероглифом «Кан» — титулом Цинь Куана.

«Резиденция князя Кана, конечно, не сравнится с Чертогом Ядра Феникса, сестрица. Поживи здесь пока скромно, завтра докупим, что потребуется», — сказал он.

Цинь Куан удалился, слегка пошатываясь, а за ужином много болтал с Цинь Цзюнь и изрядно выпил.

Позже, когда Цзиньсю и Сяо Таоцзы помогли ей умыться и распустить волосы, Цинь Цзюнь сказала: «Завтра не делайте такую тяжёлую причёску. В пути лучше быть попроще».

—

Она умирала?

Цзи Сы размышляла: куда она попадёт после смерти?

Она была словно бесплотный дух — ни начала, ни конца, ни даже собственной истории. Даже на пороге смерти перед ней не промелькнули картины прошлой жизни.

Кто я? Этот вопрос мучил её все шесть лет, не находя ответа. Она очнулась у подножия утёса в Цзян, и охотник назвал её своей дочерью. Но не прошло и полугода, как в Цзян пришла война, и люди побежали в панике. Спасаясь, охотник попросту продал её.

Она переходила от одних хозяев к другим, блуждая на юг и север. И куда бы она ни ступала — там воцарялись горе и разруха. После множества перепродаж она оказалась в руках Матушки Фан из Нефритового терема в Верхней столице, где её «обучали» уже пять лет.

Пять лет она пыталась что-то выведать, о чём-то догадаться — и всё без толку. Память не возвращалась. Попытки побега срывались одна за другой, а после — побои, сарай или конюшня. В день Юаньри её должны были выставить на продажу. И все те грязные, мерзкие вещи, что выпадали на долю других девушек в этом доме, обрушатся и на неё.

Что ж... Смерть была бы избавлением...

—

Цинь Цзюнь не могла понять причину, но в груди у неё стояла тревога, а брови никак не хотели разглаживаться. Цзиньсю и другие служанки стряхивали с её одежды пыль, поправляли постель, а Сяо Таоцзы подбрасывала угля в жаровню. В комнате было тепло, как в разгар весны.

«Что с Вашим Высочеством?» — не выдержала Сяо Таоцзы.

Цинь Цзюнь, с распущенными волосами, сидела, слегка нахмурившись. В тёплом свете свечей её взгляд упал на Цзиньсю и застыл, полный раздумий.

Ночью Сяо Таоцзы, сидя у изголовья, лениво читала вслух с бамбукового свитка. «Ваше Высочество, вы не хотите спать?»

Цинь Цзюнь покачала головой и велела Сяо Таоцзы позвать вместо неё Цзиньсю.

«Сестра Цзиньсю», — обратилась она к вошедшей.

«Я недостойна такого обращения», — почтительно ответила та.

«Сколько тебе лет?» — спросила Цинь Цзюнь.

«Двадцать девять», — сказала Цзиньсю.

«Двадцать девять, — Цинь Цзюнь приподнялась на ложе. — Придворных служанок обычно отпускают на волю в двадцать с небольшим. Почему ты не ушла?»

Цзиньсю ответила: «Старшая няня никогда не спрашивала, хочу ли я уйти».

Цинь Цзюнь кивнула. Её миндалевидные глаза, круглые и ясные, смотрели на Цзиньсю с детской прямоотой. «Я разрешаю тебе уйти».

Цзиньсю сказала: «Во дворце есть неписанный закон: личных служанок принцесс и императриц не отпускают на волю».

Личные служанки знали слишком много дворцовых тайн. Даже отпущенные, они оставались под надзором. А если хозяин был подозрителен — их могли и вовсе устранить.

Цзиньсю поправила прядь волос у виска Цинь Цзюнь. «Я с детства служила покойной Императрице. После её кончины перешла к Вашему Высочеству».

Цинь Цзюнь посмотрела на неё пристально. «Будешь верна мне?»

Цзиньсю встала, опустила на колени, сложила ладони перед лбом и совершила глубокий, до земли, поклон — знак высшей преданности.

«Ты отправишься со мной за пределы дворца, чтобы встретить одну особу. Что бы ты ни увидела или ни услышала — ни слова возражения. Будешь действовать только по моему приказу», — сказала Цинь Цзюнь.

«Слушаюсь», — был ответ.

Авторское примечание:

Спасибо за голоса и поддержку в период с 2021-11-23 07:30:54 по 2021-11-24 11:37:32!

Спасибо за орошение питательной жидкостью: Су Лю — 20 бутылок; Лэ И — 6 бутылок; Бу Мин — 5 бутылок; И Му И Чжуй Сюнь — 3 бутылки.

Огромное спасибо за вашу поддержку, я продолжу стараться!

Глава 3

Выкуп

—

Прошёл ещё один день, а Цзи Сы всё ещё была жива.

Она уже пять дней не ела ничего, кроме крох хлеба, лишь изредка кто-то вливал в неё воду или

пару глотков жидкой похлёбки.

Руки и ноги её обмякли, не слушались. Хотела умереть — да не могла смириться. Все эти шесть лет — нет, пожалуй, с самого рождения — в её груди копилась яростная, беспричинная ненависть. Вся та невысказанная горечь превратилась в волю к жизни, заставляя её цепляться за существование, искать ответ.

С наступлением ночи Нефритовый терем оживал, наполняясь теплом и светом. Снаружи же бушевала метель, и холод стоял ледяной, как в погребу.

К утру задний двор и конюшня были запорошены толстым слоем снега. Цзи Сы, почти полностью скрытая под ним, снова получила свою порцию порошка пяти минералов.

Яд был силён, от него бросало в жар и пот. Зимнюю одежду с неё давно стащили, оставалась лишь широкая, грязная шуба, кое-как прикрывавшая тело. Она лежала в конюшне, бессильная и замерзшая.

«Больше нельзя, — прошептал конюх. — Яд накопится...»

Надсмотрщик, теряя терпение, пнул его и рявкнул: «Пошёл вон!»

У конюшни снова стало тихо. Лишь слышалось, как две лошади лениво жуют сено.

Неизвестно сколько времени спустя Цзи Сы услышала, что её зовут.

«Пинь-нян?»

«Пинь-нян?»

Кто-то звал её. Цзи Сы с трудом приподняла веки, едва разлепила глаза — и снова закрыла их.

За пределами конюшни всё так же тихо падал снег. К ней приблизился старик с седой бородой, держа в руке фонарь. Свет упал на её лицо. «Пинь-нян, поешь хоть немного».

Он поднёс к её губам паровую булочку, но у Цзи Сы не было сил даже открыть рот.

«Вот, смотрите», — сказал надсмотрщик из Нефритового терема.

Только тогда заговорили те, кто стоял снаружи, в снегу.

«Умерла?» — с любопытством спросил женский голос. Кажется, его хозяйка приблизилась, чтобы разглядеть лицо Цзи Сы. Та уловила лёгкий, тонкий аромат, который тут же отдалился.

Цинь Цзюнь, прикрыв нос платком, отступила назад. Надсмотрщик поспешил заверить: «Не извольте беспокоиться, госпожа, жива. Уже не впервой так. Живучкая. Даже если неделю не кормить, а потом влить бульона с женьшенем — оживёт».

Девушка слегка кашлянула — от сдержанного негодования или просто от холода. Её голос, то приближаясь, то удаляясь, долетал до ушей Цзи Сы: «Как можно так бесчеловечно обращаться с людьми?»

Надсмотрщик опешил, затем нахмурился. «Пинь-нян — рабыня, из низшей касты. Хозяин волен бить, продать или даже убить. Вещь, ничуть не лучше скотины. О каком обращении с людьми речь?»

Другой, более зрелый женский голос отрезал: «Не груби. Береги свою шкуру».

«Ладно, Цзинью, — сказала девушка. — Пусть будет так. Запрягите телегу, погрузите её. Я забираю».

Надсмотрщик удивлённо ахнул: «Вы... вы правда хотите её выкупить?»

Цзи Сы снова провалилась в забытьё. В следующий раз её разбудил пронзительный голос Матушки Фан, что яростно торговалась с кем-то, сбивая цену.

Она с трудом разлепила веки. Перед глазами вспыхнул свет — уже вечерело, зажигали фонари. Чей-то фонарь вновь осветил её лицо, будто проверяя, жива ли. Потом свет убрали, и Цзи Сы снова погрузилась в темноту, лишь смутно различая размытое сияние и несколько силуэтов за ним — неясных, как призраки.

Матушка Фан, надсмотрщик и конюх стояли по бокам, почтительно склонив головы. В центре же стояла девушка в роскошной, отороченной мехом одежде, с головы до пят укутанная густой вуалью. Фонарь, что несли перед ней, освещал её, словно восходящее солнце, излучающее тёплый, мягкий свет.

Матушка Фан заговорила: «Она же — потерявшаяся во время войны дочь южного рода Линь! Линь — знатный, древний род. Все триста человек погибли, уцелела лишь эта красавица-дочь. Я, Матушка Фан, целый год её готовила! Вполне может стать новой жемчужиной Нефритового терема! Как можно отдавать её за бесценок?»

Девушка махнула рукой: «Говорите прямо, сколько хотите. К чему эти хитрости?»

Матушка Фан на мгновение опешила — не ожидала такой прямоты и щедрости. В голове тут же зародились мысли: не запросить ли цену понебеснее?

Верхняя столица кишела знатью, на каждом шагу можно было наткнуться на особу покрупнее. Эта юная девица, явившаяся в публичный дом с требованием найти кого-то, сперва показалась ей шуткой. Может, это жена какого-нибудь молодого аристократа?

Искать наложницу для мужа — редкость, конечно. Но если дело в этом, то её скрытность понятна. Однако, присмотревшись, девица казалась слишком молодой, чтобы быть замужней. Даже если и так — лишь недавно. Зачем же молодой жене искать наложницу для супруга? Неужто хочет внести раздор в свой же дом?

Нет, не может быть... Матушка Фан передумала. В Чжоу нравы вольные. Может, эта девица сама... склонна к «полировке зеркал»? А раз не замужем, да ещё и в тоске по утехам, вот и прикрывается, чтобы заполучить чистую девушку? Чем больше думала Матушка Фан, тем вероятнее ей это казалось.

<http://bllate.org/book/16274/1465029>